

— Смертельная болезнь? Какая еще смертельная болезнь? — Ма Сухуа так и застыла, выронив из рук покрывало.

— Неизлечимая, — с унылым видом вздохнул Лю Сымянь.

— Да что за болезнь-то? — в один голос встревоженно спросили супруги Лю Гопин и Ма Сухуа.

— Не болезнь это. А приговор.

— Что за чушь ты несешь? — Лю Гопин подошел ближе и потрогал лоб сына. — В какой больнице тебе такое нашептали?

— Мне не нравятся женщины, — глухо выдавил Сымянь.

— В смысле? — родители опешили.

— В прямом. Вашему сыну бабы неинтересны. Совсем.

— И какой это врач тебе такой диагноз поставил? — недоверчиво прищурилась Ма Сухуа.

— При чем тут врач? Ваш сын сам себе диагноз поставил.

— И это, по-твоему, смертельная болезнь? — Ма Сухуа растерялась: она не знала, злиться ей или смеяться.

— Ах ты паршивец! И где тут смертельный приговор? Денег нагреб, так решил перед отцом дурь свою показать?! — Лю Гопин не выдержал, схватил декоративную подушку и огрел Лю Сымяня по спине.

— Ну и отношение у вас! — Лю Сымянь обиженно насупился, видя, что родители не особо-то и шокированы. — У вас сын баб не любит, а вам хоть бы хны!

— А чего нам переживать? От этого не умирают, — Ма Сухуа как ни в чем не бывало вернулась к уборке. — Вот вернемся мы с отцом в деревню, некому будет за тобой ухаживать, мигом прижмет — женишься как миленький. Тогда и бабы понравятся.

— Да как я женюсь, если они мне не милы? Вы меня за несмышленного ребенка держите? Мне не то что целоваться — мне от одной мысли о том, чтобы за руку женщину взять, тошно становится! Аж волосы дыбом на теле встают! — в сердцах выпалил Лю Сымянь.

— Это еще что за новости? — Ма Сухуа, кажется, начала что-то понимать. — Разве бывают

такие странные хвори?

— Это значит, мама, что невестки в этом доме никогда не будет. И о внуках можете даже не мечтать.

— Ладно внуки — сейчас полно тех, кто детей не заводит, этим не удивишь. Но чтобы вообще не жениться... Ты что, всю жизнь бобылем куковать собрался? — до Лю Гопина наконец дошел смысл слов сына.

— Ну почему же бобылем? Если встречу человека по душе, сойдемся, почему бы и нет? — слегка смутившись, пробормотал Сымянь.

— Ты же только что кричал, что бабы тебе не по нраву! С кем ты сойтись собрался? Совсем старого отца за дурака держишь? За нос меня водишь перед самой пенсией?! — Лю Гопин в ярости отшвырнул мягкую подушку, схватил длинный жесткий валик и замахнулся.

Сымянь ловко увернулся, и удар пришелся в пустоту.

— Да не люблю я баб! Я мужиков люблю! Мужиков! — в сердцах крикнул Лю Сымянь.

— Мужиков? — остолбенел Лю Гопин.

— Мужчин? — замерла Ма Сухуа.

— Да! Мужчин! К женщинам у меня вообще душа не лежит! — еще раз подтвердил Лю Сымянь.

— Ишь как заговорил! Гляньте на него, гордится еще! Думаешь, выделился? Модным себя возомнил, да?! — Лю Гопин, окончательно выйдя из себя, отбросил подушки, схватил стоявшую в углу швабру и с размаху опустил ее на спину сына.

Лю Сымянь даже не шелохнулся. Раздался громкий треск — пластиковая рукоятка переломилась пополам.

— Так, петухи драчливые! Хотите помахаться — марш домой на второй этаж! Нечего мне тут в лавке погром устраивать! — Ма Сухуа решительно бесцеремонно оттолкнула мужа.

— Ой, батюшки! Что это вы тут опять не поделили? Прямо в магазине шумите! — Чжун Сюцин, хозяйка соседней лавки, услышав грохот, заглянула внутрь, вытягивая шею от любопытства.

— Да всё никак не решим, как в деревню возвращаться, — выдавила дежурную улыбку Ма Сухуа, а затем обернулась к мужу и шикнула: — Хватит тут позориться, домой иди. Хочешь кулаками махать — сначала брюхо набей. Завтра лавку до ума доведем.

— Ах, какой послушный сын! Отец его лупит, а он и слова поперек не скажет, и сдачи не даст. Швабру об него сломали! Больно небось, милый? — Чжун Сюцинь подошла к выходившему Лю Сымяню и сочувственно похлопала его по спине.

— Да нормально, сквозь куртку не чувствуется, — беззаботно ухмыльнулся тот.

— Надо же, такого золотого парня — и так колотить! Слышь, Гопин, если он тебе не нужен, отдай его мне! Будет моим сыном! — Чжун Сюцинь игриво шлепнула Сымяня по заднице.

— Ладно, дома с предками обсужу этот вариант! — рассмеялся Сымянь и поспешил на улицу.

Дома Лю Гопин попытался продолжить нотацию, но жена его сразу оборвала:

— Заткнись уже. Хочешь, чтобы весь дом наши разборки слушал? Поняли мы всё, и ладно. Иди лучше ужин готовь, я за день ног не чую.

Лю Гопин уставился на нее круглыми от изумления глазами. Нет, ну нормально вообще? Он тут места себе от злости не находит, а старуха спокойна как танк!

— Ты вообще соображаешь, что твой сын сейчас выдал?! — взорвался он. — Он баб не любит! Ему мужики нужны!

— Слышала я, слышала. Гомосексуалист он, по-научному. Ты думаешь, раз книг больше моего прочитал, так я жизни не видела? — отмахнулась Ма Сухуа.

— Гомо... гомосексуалист? — Лю Гопину показалось, что он ослышался. — Старая, ты совсем сбрендила? Откуда ты слов-то таких понабралась?

— Да какая разница? Коли баб не любит, а по мужикам вздыхает — значит, гомосексуалист, — Ма Сухуа открыла рисоварку, достала чашу и пошла мыть рис. — Слышала я, что бывают такие чудные люди. Кто ж знал, что у нас в семье такой же объявится.

— Не, ну я поражаюсь твоему спокойствию! Ты реагируешь так, будто твой сын просто прическу новую сделал! Старая, ты точно умом тронулась! — Лю Гопин прямо-таки закипал от ее равнодушия.

— А у вас, у Лю, в родовом уставе разве не написано: «Принимай всё со смирением»? Ишь, раскричался. Забыл небось заветы предков, в династию Мин их обратно отправил? — язвительно поддела его жена, отчего Сымянь тихо прыснул в кулак.

— Да при чем тут заветы предков?! Одно дело — житейские неурядицы, и совсем другое — такое непотребство! Ему что, волю вольную дать?! — голос Лю Гопина взлетел на несколько октав.

— Горлопанить тут мне вздумал?! — Ма Сухуа с грохотом швырнула мерный стаканчик обратно в мешок с рисом. — Разорался! Я, как в вашу семью Лю вошла, спину не разгибала! С утра до ночи как ломовая лошадь пахала! Золотом меня осыпали, что ли? На шелковых простынях спала? На старости лет еще на меня голос повышать будешь?! Я на рынке под ветром и солнцем всю жизнь простояла, людей и всяких диковин навидалась побольше твоего, пока ты в теплом кабинете чай гонял да газетки почитывал! Тоже мне, учитель нашелся!

— Ну и... и что ты предлагаешь делать? — Лю Гопин моментально сдулся, сбавив тон сразу на несколько октав.

— Что делать? Да ничего, — Ма Сухуа включила воду и принялась промывать рис. — Парню скоро тридцать. Толку его учить? Лупить его тоже бесполезно. Пусть сам решает, как жить. Слыхала я, что эта... хворь их не лечится. Врожденное это. Может, когда я его носила, в утробе чего перекосило. А может, это от тебя ему гены дурные достались.

— Ой, мама, ну ты даешь! Прямо академик! — Лю Сымянь не выдержал и покатился со смеху.

— А ну брысь отсюда! — зыркнул на него отец. — Оторви-голова, глаза б мои тебя не видели.

— И всё-таки, что ты думаешь делать? — Ма Сухуа включила рисоварку и, придвинув стул, устало опустилась на него.

— А что делать? Жить дальше, — пожал плечами Сымянь.

— Забудь эти слова! — Лю Гопин снова едва не взвился.

— Так это же наши предки завещали, ты мне сам с детства это в голову вколачивал. А теперь вдруг «забудь»? — прикинулся обиженным Сымянь.

— Раз так, придется тебе кое-что отрезать. Всё равно внуков от тебя не дождешься, — Ма Сухуа на полном серьезе посмотрела на сына.

— Отрезать? Что отрезать? — не понял Сымянь.

Лю Гопин тоже захлопал глазами, не успевая за ходом мыслей своей благоверной.

— Да штуковину твою в штанах, — Ма Сухуа вытянула указательный палец правой руки, указала парню на ширинку, а левой сделала жест, будто рубит ножом.

— Это еще зачем?! — Сымянь испуганно прикрыл пах ладонями. — Я в евнухи не записывался!

— А на кой она тебе, если от нее одни проблемы? Только заразу подцепишь. Лучше уж сразу избавиться, — холодно отчеканила мать.

— Какую еще заразу? Что ты выдумываешь?

— Ты думаешь, я глупая? Я жизни побольше твоего повидала! — зловеще проговорила Ма Сухуа. — Слыхала я про таких, как вы. Болезнь у вас страшная ходит, неизлечимая. Подцепишь — и пиши пропало, только смерти ждать. Когда я фруктами торговала, люди рассказывали.

— Да про какую болезнь ты толкуешь? — вмешался Лю Гопин.

— Спид! Во всем мире лекарства от него нет. Сгорают люди заживо, обычная простуда их в могилу сводит. У нас на рынке один парень-фруктовщик от этой заразы помер. Все говорили, что он из этих... из ваших. А еще болтают, в Городской народной больнице целое отделение под таких выделили, медсестры туда заходить боятся, уколы делать отказываются. Говорят, сплошь гомосексуалисты там лежат.

— Да ладно? Серьезно, что ли? — Лю Гопин аж приоткрыл рот от ужаса. Надо же, его полуграмотная жена сыплет такими жуткими подробностями, о которых он, советский выпускник вуза, и слыхом не слыхивал.

— Вот тебе и дипломированный специалист семидесятых годов... Ума не больше, чем у недоучки вроде меня, — презрительно фыркнула Ма Сухуа.

— Слухи всё это, глупости и бабьи сказки! — вскипел Сымянь.

— Ой, поглядите на него, самый умный нашелся! — Лю Гопин отвесил сыну звонкий подзатыльник. — Твоя мать дело говорит! Выкладывай давай: либо ищешь нормальную девку и женишься, либо марш в больницу на кастрацию... или как там это называется, на смену пола!

— Да какая еще смена пола?! С ума сошли? Я мужиком родился и мужиком останусь! Зачем мне бабьи дыни на груди отращивать? Фу, гадость какая! — Сымяня аж передернуло.

— И как ты жить собираешься? — недовольно спросила мать.

— Да обычно. Как жил, так и буду. Встречу хорошего парня — станем жить вместе, делов-то.

— Ты меня в могилу свести хочешь! — Лю Гопин едва сдерживался, чтобы не наподдать мерзавцу, но понимал, что тот слишком изворотлив и в плане рукопашной давно превзошел отца. — Короче! В следующем месяце едешь с нами в деревню. Эту квартиру продаем, там найдем тебе скромную деревенскую девку, распишемся — и живи как все люди!

— Ага, разбежался! Чтобы я в деревне спину гнул? У меня карьера только в гору пошла, деньги нормальные появились, а вы меня в батраки?! Не поеду я никуда! — заупрямился Сымянь.

— Ну, вообще-то он прав, — неожиданно заступилась за сына Ма Сухуа. — Его этот начальник ценит, платит хорошо. А в деревне ему чем заниматься? С Сыи грибы выращивать? Так у них там рынок сбыта не резиновый, начнут еще делить копейку, разругаются братья. Да и не везет Сымяню с бизнесом: помнишь, в этом году теплицы его снегом завалило, сколько убытков натерпелся. Вряд ли Сыи захочет его сейчас в долю брать. Не в лес же ему идти со старшим братом деревья караулить.

— И что, пусть он тут непотребством своим занимается?! — сердито буркнул Лю Гопин.

— Да каким непотребством? Я что, зарезал кого? Поджег? Наркотиками торгую? Или насильничаю?

— А чем ты сейчас заняться планируешь? — строго спросил отец.

— Ужин пойду готовить. А то жрать охота — брюхо сводит. — И Сымянь быстро шмыгнул на кухню.

— Давай, пошевеливайся. Я за день так намаялась, что пальцем шевельнуть не могу, — махнула рукой Ма Сухуа.

— У него еще и аппетит есть! И что, мы так это и оставим?! — Лю Гопин ошарашенно посмотрел на жену.

— Оставить не оставить, а есть надо. Или ты собираешься голодным всю ночь его пилить? — зыркнула на него жена.

— Товарищ начальник отдела Лю, вам сегодня что-нибудь особенное приготовить? — весело крикнул из кухни Сымянь.

— Яд мне приготовь! Из моей крови суп свари! — рявкнул Лю Гопин. — Жрите сами, приятного аппетита и долгих лет жизни! А я спать пошел. Не смейте меня трогать, считайте, что отец для вас умер! — И он с грохотом захлопнул дверь спальни.

— Всю жизнь на госслужбе, а характер к старости совсем испортился. Чего так беситься-то? — проворчал Сымянь.

— А ну помалкивай там! Ишь, разболтался! Если в еду крысиного яду не подсыпешь и меня на тот свет не отправишь, то берегись: вот поем, наберусь сил — и шкуру с тебя спущу! Понял?! — грозно прикрикнула на него Ма Сухуа.

В спальне Лю Гопин в унынии мерил шагами комнату. Мысли путались, голова раскалывалась от злости. Ему безумно хотелось выйти на улицу и набить кому-нибудь морду, просто чтобы выплеснуть накопившуюся ярость. Так и не придумав ничего дельного, он схватил мобильник и набрал номер старшего брата, Лю Гошэна.

— Брат, завтра же приезжай в Цинюань! Срочно!

— Что случилось? — встревожился Лю Гошэн на другом конце провода.

— Случилось... Да ладно, ничего страшного. Просто хочу, чтобы ты приехал и высыпал как следует этому паршивцу Сымяню.

— Тьфу на тебя! Я уж думал, стряслось чего! Издеваешься на старости лет? Чтобы я в моем возрасте ехал твоего сына воспитывать? — рассмеялся Гошэн.

— Да я сам с ним справиться не могу! Силенок не хватает!

— Ну ты даешь! Если ты с ним совладать не можешь, с чего решил, что я смогу? Думаешь, я крепче тебя? Я почему, по-твоему, каждый год под разными предлогами от поединков отлыниваю и отца вместо себя отправляю? Да потому что знаю, что продую тебе, и перед твоей женой позориться неохота! Я согласен вернуть тебе твою сотню юаней из кланового сбора, но драться с Сымянем даже не проси.

— Да причем тут этот сбор! Если ты мне не поможешь пар спустить, я тут от инфаркта загнусь! Давай ты приедешь, и мы вдвоем на него навалимся? Вдвоем-то точно скрутим!

— Вы там с сыном поцапались, а мне лезть на рожон? Ну уж нет, разбирайся сам. Не хочу я с Сымянем отношения портить, — продолжал отнекиваться Гошэн.

— Ну тогда позови к телефону своего Сыи! Я ему скажу, пусть приедет и отделает младшего брата как бог черепаху. Пусть хоть калекой его сделает, мне плевать!

— Послушай, ты сегодня белены объелся, что ли? Зачем братьям друг друга калечить из-за

твоих капризов? До уездных соревнований еще уйма времени!

— Да никто никого калечить не собирается! Пусть Сыи просто поможет дяде, накажет паршивца вместо меня!

— Да что Сымянь такого натворил, что ты на него так взъелся? — с любопытством спросил Лю Гошэн.

— Эх, язык не поворачивается сказать...

— Ну ты хоть причину назови, иначе как я Сыи это объясню?

— Позови Сыи, я сам ему всё растолкую!

— Не могу, он сейчас в северном крыле дома. Отец его там костерит на чем свет стоит, я туда и носа высунуть боюсь — под горячую руку попаду.

— За что костерит-то?

— Да Юйинь сегодня на тренировке ногу подвернул. Отец обвинил Сыи, что тот неправильно его тренирует, вот теперь и песочит по полной программе.

— Ну вот что за старик! Вечно мне всю обедню портит! Нашел время Сыи отчитывать! — недовольно проворчал Лю Гопин.

— Как будто отец когда-то время выбирал, когда ему сыновей песочить! Сам виноват, не вовремя позвонил. Ладно, колись уже: если причина уважительная, я отправлю к тебе Сыи завтра же.

— Твой пятый племянник... он этот... гомосексуалист, — Лю Гопин, боясь, что старший брат не поймет заумного слова, поспешил объяснить проще: — Сказал, что баб не переваривает, только мужики ему по душе.

На том конце провода повисло тяжелое молчание. Наконец Лю Гошэн выдохнул:

— Ох ты ж... Вот ведь дела... Ну надо же, как судьба-злодейка пошутить решила...

— Погоди, ты что, удивлен? Или знал об этом? — насторожился Лю Гопин.

— Молчи лучше. Вернешься в деревню — я тебе всё подробно выложу, — твердо отрезал Лю Гошэн. — Не переживай. Завтра же отправлю к тебе Сыи.

<http://bllate.org/book/18980/1950646>